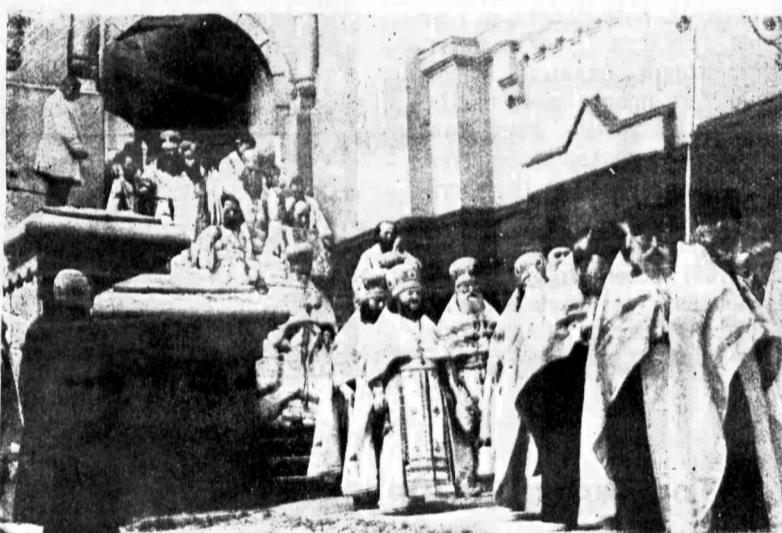

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Четвергъ, 8-го Мая 1914 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 12039.

ПОГРЕБЕНИЕ АРХИЕПИСКОПА ХАРЬКОВСКАГО И АХТЫРСКАГО АРСЕНІЯ.

Перенесеніе тѣла архієпископа Арсенія изъ Озерянской церкви въ склепъ въ нижней церкви.

Снимки для „Южного Края“ фот. „Идеал“.

ЗА БОРТОМЪ.

Я могу показаться вамъ нѣсколько страннымъ, но повѣрьте, что я произведеніе вашихъ рукъ, вашего времени, съ декоративнымъ аккуратнымъ солнцемъ, съ луной, которая, какъ бѣлый безумный глазъ ночи, созерцаеть красное безуміе земли.

На мягкой глинѣ руки оставляютъ слѣды.

На мнѣ слѣды дерзкихъ и грубыхъ, кощунственныхъ и страшныхъ, холодныхъ и тонкихъ рукъ.

Развѣ виноватъ я, что вы были подобны скинѣ, который топоромъ выдѣльвалъ статую, чтобы потомъ плюнуть ей въ лицо... Это знакъ его почтенія, знакъ его фамильярной близости.

Я еще молодъ и между тѣмъ холодно остороженъ, боязливъ и практиченъ, какъ старики, котораго долгими годами толкали въ шею.

Я готовъ ползти въ этой жизни, тихонько и съ оглядкой, чтобы не оцарапа-

пать своего тѣла, не лишиться хлѣба. Я отвергаю все, что можетъ сотрясти мою жизнь...

У меня страхъ передъ жизнью. Хочу обойти ее сторонкой, въ тѣни. Мои голодавщи родители научили меня этой осторожности.

Вы тоже немного научили меня. Вы, сдѣлавши жизнь невозможной и недоступной! Вы, скроивши изъ нея такое платье, что оно впору только закаленному чорту!

И вотъ я боюсь всего.

На-ряду съ вами я—маленький комочекъ нервовъ и мускуловъ, который равно боится и болѣзни, и голода.

На видъ я вполнѣ приличенъ, иначе, вѣдь, вы бы смѣялись мнѣ въ лицо. Помните, еще Оскаръ Уайлдъ страстно желалъ, чтобы нищіе умѣли красиво драпироваться въ свои лохмотья; я драпируюсь. Ботинки на высокихъ каблукахъ...

Я не смѣюсь; не смѣйтесь и вы...

Голова моя подперта высокимъ ворот-

ничкомъ (бѣлье composition, если вы не догадываетесь), подперта настолько высоко, чтобы моя маленькая круглая бородка торчала впередъ, какъ носъ римской галеры...

Ахъ, я всегда стараюсь быть приличнымъ! Немного потрепанныя брюки, бахрома на рукавахъ... Но это отчасти похоже на кружево, которое носили старые вельможи...

Зато у меня бархатный жилетъ, подаренный мнѣ послѣ запоя обрюзглымъ комикомъ драматического театра, и цѣпочка съ часами, выписанными изъ Лодзи. Цѣпочка зеленоватая, часы періодически, два раза въ недѣлю, перестаютъ идти. Пустяки; многие шутники теперь любятъ зеленоватое золото, и я начинаю серьезно вѣрить, что оно существуетъ.

Да, я еще молодъ, но мои щеки очень блѣдны. Это, впрочемъ, не неврастенія (не упрекайте за такой дефектъ). Просто, я часто бываю голоденъ.

Нехорошее состояніе, когда даже выѣски гастрономическихъ магазиновъ,

свадьбахъ, служу контролеромъ на трам-
сваѣ. веду продажу въ мелкой бакалей-
ной лавочонкѣ и т. д.

Что придется! Не смѣйтесь. Въ по-
слѣднее время мой заработка достигъ
пятидесяти рублей... Я дрожу надъ ними.

О, никакого скачка! Осторожность!
Тихо, ползкомъ въ тѣни, я буду жить,
только-бы не голодать опять... Да, да!

... И все же иногда такъ стыдно. Ви-
жу, кажется, передъ собой насмѣшку
молодой дерзкой жизни. Стыдно до боли
за свое ползаніе и приниженность, стыд-
но за свои воротнички, мятый бархат-
ный жилетъ, лодзинскіе часы...

Не смѣйтесь...

Боюсь жизни...

Однако, не подумайте, что я не знаю
я, не имѣю вкуса къ ней и хищныхъ
рукъ.

Я понимаю ее такъ, какъ не пони-
маете вы. Часто мои ноздри раздувают-
ся, какъ ноздри звѣра. Онѣ жадно втя-
гиваютъ сложные запахи улицъ, напол-
ненныхыхъ своеобразной, полной, пестрой
жизнью.

Меня пьянятъ и влечетъ весь этотъ
хаосъ контрастовъ, нищеты и богатства,
красоты и уродства, сытыхъ, тощихъ,
ѣдущихъ, идущихъ людей; тысячи глазъ,
тысячи суетливыхъ тѣлъ. Мужчины бод-
рые, наглые и разодѣтые; женщины и
дѣвушки, исполненные соблазна, въ со-
блазняющихъ полупрозрачныхъ платьяхъ,
гдѣ каждый вершокъ, каждый бантъ и
вырѣзъ кричатъ моимъ глазамъ безстыд-
ная слова!

А магазины, эти склады роскоши, ла-
бораторіи для какихъ то чудесныхъ пир-
шествъ и лукулловскихъ обжорствъ! Брил-
ліанты, змѣистыя матеріи, окорока, по-
тѣющіе своимъ жиромъ, фрукты, согрѣ-
тые далекимъ солнцемъ, мебель, манящая
къ лѣнивому отдыху, витрины бѣлья,
говарящія о какой то изнѣженной чи-
стотѣ, выхоленности, о ван-
ныхъ комнатахъ и утрен-
нихъ часахъ на террасѣ,
залитой солнцемъ.

О, дьяволъ умѣеть со-
блазнять!

Я брошу вечерами по
этимъ шумнымъ улицамъ. Я
втягиваю ихъ запахи, я по-
жираю глазами ихъ недо-
ступную роскошь, и иногда
я чувствую, что во мнѣ
просыпается какое то новое,
жестокое, сторукое суще-
ство,—холодный и жадный
городской звѣрь.

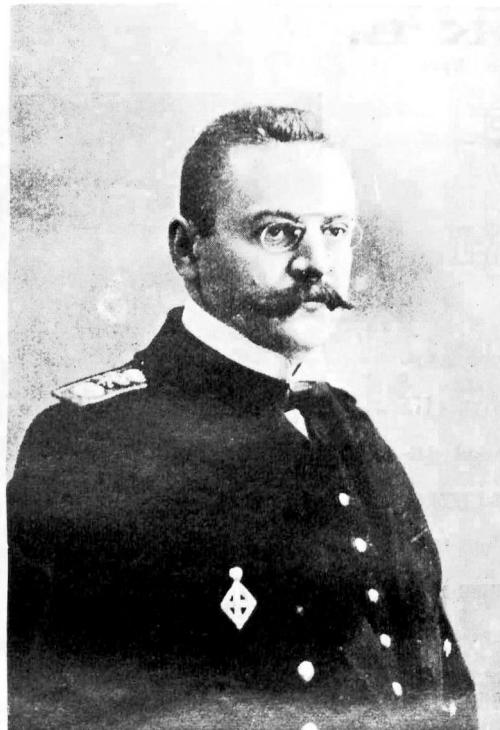
Тогда мнѣ страшно себя,
тогда я спѣшу въ свою
маленькую, душную комна-
ту. Убѣгаю, какъ убѣгали
отъ соблазна средневѣковые
монахи.

Убѣгаю потому, что начи-
наю понимать самое зло
и самое страшное: мои руки
созрѣли для ножа; мои руки
созрѣли для револьвера...

Тише, тише, человѣкъ въ
брюкахъ съ баҳромой... У
тебя есть часы изъ, Лодзи.

Ты за бортомъ, ты въ
ночи. Сиди тамъ тихонько,
какъ паукъ, и тихонько
плети свою безконечную
удушливую паутину.

И смѣйся потихоньку. Ты

Министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ.

(Къ слухамъ о его отставкѣ).

Всеобщее, вполнѣ опредѣленное, отношение къ политицѣ Н. А. Маклакова нашло откликъ и въ Государственной Думѣ,принявшей въ засѣданіи 4 мая большинствомъ 186 голосовъ противъ 95 съѣдующую формулу перехода, предложенную *окталистами и центромъ*: "Принимая во вниманіе, что министерство внутреннихъ дѣлъ не только продолжаетъ систематически пренебрегать общественнымъ мифіемъ, но и игнорируетъ неоднократный существеній пожеланій законодательныхъ учрежденій, Дума, раздѣляя по существу пожеланія, принятія бюджетной комиссіей, считаетъ бесполезнымъ выражавшіе имиѣ какія-либо новые пожеланія по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и находитъ 1) что политика министерства, стѣнчающая и ограничивающая дѣятельность земельныхъ и городскихъ учрежденій, подрываетъ мѣстные силы, которыя въ теченіе 50 лѣтъ принимали самое дѣятельное участіе въ духовномъ и экономическомъ развитіи страны; 2) что, поощряя повсемѣстный административный произволъ, она вызываетъ недовольство и глухое броженіе въ широкихъ спокойныхъ слояхъ населения и тѣмъ способствуетъ возникновенію и усиленію противогосударственныхъ течений. 3) что, препятствуя проведенію въ жизнь ряда Высочайшихъ манифестовъ и указовъ, она препятствуетъ возбужденію въ высоты Престола непреклонной воли Монарха и 4) что такое положеніе, ослабляя монсу Россіи, угрожаетъ ей неизлечимыми болѣдостями—Дума обращаетъ вниманіе правительства на опасность такой политики и переходитъ къ рассмотрѣнію очередныхъ смѣтъ".

Могила трагически погибшаго при полетѣ въ Бронницахъ военного летчика поручика Ляшенко,
погребеннаго у себя на родинѣ, въ Ромнахъ. У могилы—родственники и
земляки Ляшенко.
Снимокъ роменскаго корреспондента „Южнаго Края“.

можешь очень хорошо хотать, веселый
ночной паукъ! Страхъ жизни... Да, я боюсь
ея, и боюсь себя. Пожалуй, больше боюсь
себя. Иногда я разматываю свои руки, и
онѣ мнѣ кажутся чужими. Большая, съ
длинными сухими пальцами... Какія то
странныя руки. Я думаю, что такія мо-
гутъ очень хорошо душить.

Видите ли, были дни, когда я совсѣмъ
иначе улыбался. Я любилъ женщину, и
она любила меня. У насъ долженъ быль
родиться ребенокъ, но мы его убили, по-
тому что самимъ нечего было ъсть. Не
стоитъ рассказывать эту исторію, потому
что въ ней не было ни сирени, ни до-
рогихъ нарядовъ, ни стиховъ, ни шелка,
ни голубого платья.

Она пахнетъ, какъ кладбище, эта един-
ственная свѣтлая страничка моей жизни.
И вотъ, потомъ, когда я остался одинъ,
когда я понялъ, кто убилъ моего ребен-
ка, мою женщину, мое человѣческое до-
стоинство, тогда я спрятался, потому,
что мои зубы сѣпились отъ злобы и
бѣшенства.

Все отнято; кто-то вдоволь наигрался
моей жизнью; выѣль мое сердце, какъ
выѣдаются яйца...

За бортомъ. Но тише, тише. Это очень
страшно, очень беспокойно, когда чув-
ствуешь, что твои руки созрѣли для ножа...

Фениксъ.

СМѢСЬ.

Свадьба въ семье президента Хуэрты.

Повидимому, президентъ Хуэрта обла-
даетъ удивительнымъ хладнокровiemъ,
которое ничѣмъ нельзя нарушить. При-
мѣромъ этому можетъ служить то об-
стоятельство, что онѣ недавно торже-
ственно отпраздновалъ свадьбу своего
сына Виктора, маюра мексиканской ар-
мии, съ доньей Концессіоной Хермандецъ. Въ то время,
какъ происходили кровавыя
сраженія между американца-
ми и мексиканцами, и всей
странѣ грозило нашествіе
американцевъ, президентъ
Хуэрта совершенно спокой-
но сидѣлъ за своимъ пись-
меннымъ столомъ и писалъ
адреса на пригласительныхъ
карточкахъ дипломатическо-
му корпусу. Приглашеніе на
свадьбу приняли всѣ послы,
однако, гости были не мало
удивлены, когда на свадеб-
ное торжество явилась так-
же и жена американского
посла, госпожа О'Шангн-
сей. Она чувствовала себя
совсѣмъ непринужденно сре-
ди остальныхъ гостей, а
когда готовилась свадебная
процессія, она взяла подъ
руку одного мексиканскаго
офицера, который отнюдь не
былъ польщенъ этимъ вни-
маніемъ и пошла вмѣстѣ съ
другими въ церковь. Тамъ
она съ самымъ невиннымъ
выраженіемъ на лицѣ усѣ-
лась рядомъ съ госпожой
Хуэрта. Послѣ вѣнчанія она,
по примѣру прочихъ гостей
поздравила молодыхъ.